

ЛЕС, ГДЕ ГОРЯТ ДУШИ

Тотраз Циукаев

Тотраз Циукаев

Лес, где горят души

«Автор»

2026

Циукаев Т. В.

Лес, где горят души / Т. В. Циукаев — «Автор», 2026

Одиннадцатилетний Миша уверен: мёртвые не возвращаются. Но однажды вечером за окном он видит своего дедушку, умершего три года назад. Дедушка зовёт его в лес — к маленькому домику, которого нет ни на одной карте. Внутри мальчик обнаруживает настоящий лифт, уходящий глубоко под землю. Когда двери открываются, Миша оказывается на краю огромного обрыва. Внизу растёт бескрайний лес древних елей, а на их ветвях мерцают тысячи огоньков. Это души умерших — тех, кого продолжают помнить живые. Дедушка показывает Мише свою новую жизнь среди светящихся деревьев, знакомит с бабушкой и братьями, а затем указывает на одинокий, почти погасший огонёк. Это не душа, а надежда, связанная с мамой Миши, которая тяжело заболела. Чтобы спасти её, мальчику придётся вернуться в реальный мир и понять: иногда самое важное — не искать путь к умершим, а вовремя попросить помощи у тех, кто рядом. «Лес, где горят души» — мистическая повесть о любви, надежде, которая не гаснет даже в самой глубокой темноте.

© Циукаев Т. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Лес, где горят души	5
Глава первая. Человек за окном	6
Глава вторая. Дом, который ждал	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тотраз Циукаев

Лес, где горят души

Лес, где горят души

Тотраз Циукаев

Глава первая. Человек за окном

В тот вечер Миша впервые увидел мёртвого человека — и сразу понял, что это дедушка. Он стоял за окном, по ту сторону стекла, там, где начинался старый лес.

Три года назад дедушка умер в больнице. Миша сам видел, как взрослые вернулись домой без него: папа молчал, мама плакала в ванной, а бабушка всю ночь сидела на кухне перед нетронутой чашкой чая.

Поэтому Миша знал точно: мёртвые не возвращаются.

Но человек за окном носил дедушкино серое пальто, дедушкину вязаную шапку с прорехой над левым ухом и держал руки за спиной, как всегда делал, когда собирался сказать что-то важное.

Миша отступил от окна.

Человек улыбнулся.

За его плечами лес стоял чёрной стеной. Ни одного огонька, ни одного движения. Только дедушка был виден отчётливо, будто кто-то подсветил его изнутри.

Миша не закричал.

Он хотел закричать, но страх сжал горло. Кроме того, дедушка не выглядел страшным. Он выглядел усталым.

— Ты вырос, — сказал он, хотя стекло было закрыто.

Миша слышал его голос так ясно, словно дедушка стоял рядом.

— Ты умер, — ответил Миша.

— Знаю.

— Тебя нет.

— Это тоже знаю.

На кухне за стеной кашлянула мама. Она болела уже третью неделю и почти не вставала с кровати. Папа уехал в город за лекарствами и должен был вернуться до темноты, но давно уже стемнело.

Миша посмотрел на часы.

Стрелки показывали девять, хотя за окном было ещё светло.

Он снова повернулся к дедушке.

— Почему часы остановились?

— Они не остановились.

— Тогда почему время не идёт?

Дедушка перевёл взгляд на лес.

— Потому что лес тебя ждёт.

Миша хотел спросить, что это значит, но дедушка уже отошёл от окна.

— Пойдём.

— Куда?

— До домика.

— В лес?

— Ты ведь всё равно пойдёшь.

Это было неправдой. Миша не собирался идти в лес. Он вообще не собирался выходить из дома. Но в голосе дедушки звучала такая уверенность, будто решение уже было принято не сегодня и не Мишей.

Миша надел куртку.

У самой двери он остановился.

— А мама?

— Она спит.

— А папа?

— Ещё не приехал.

— Откуда ты знаешь?

Дедушка посмотрел на него через плечо.

— Я знаю, где он.

Миша открыл дверь.

Холодный воздух пах снегом и мокрой корой. На крыльце лежала папина перчатка, хотя папа ещё утром надел обе.

За забором дедушка ждал у старой берёзы.

Миша побежал к нему.

С каждым шагом дедушка становился всё менее похожим на человека. Его края дрожали, как отражение на воде. Сквозь пальцы просвечивал ствол берёзы, а сапоги почти не оставляли следов на снегу.

— Мне страшно, — сказал Миша.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Страх иногда держит человека на правильной стороне двери.

— А мы на какой стороне?

Дедушка не ответил.

Они вошли в лес.

Сначала Миша слышал дом: скрип крыльца, кашель мамы, шум трубы. Потом звуки исчезли. Лес сомкнулся за спиной, и Миша понял, что обратной дороги не видит.

— Дедушка.

— Я здесь.

— Если я обернусь, дома уже не будет?

— Будет.

— А если не будет?

— Тогда мы найдём другой.

Тропы перед ними не было. Дедушка шёл прямо между деревьями, и ветви расступались перед ним. Мише приходилось пригибаться, цепляться за сучья, вытаскивать сапоги из снега.

Через некоторое время впереди показался домик.

Миша остановился.

Он не мог решить, видел ли его раньше во сне или дом действительно стоял в лесу всегда. Маленький, тёмный, с зелёной крышей и синими занавесками. Рядом с крыльцом росла ель, хотя вокруг были только берёзы.

— Здесь нет никакого дома, — сказал Миша.

— Теперь есть.

Дедушка открыл дверь.

Внутри не было ни мебели, ни печи, ни окон. Только металлическая дверь в дальней стене.

На ней висела табличка:

ЛИФТ. НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ МЕЖДУ ЭТАЖАМИ.

Миша попятился.

— В лесу не бывает лифтов.

— В лесу бывает всё, что человек не успел объяснить.

Дедушка нажал кнопку.

За дверью загудело. Гул поднимался из глубины земли, проходил через корни и заставлял стены дрожать. Металлические створки разошлись.

Внутри был лифт с деревянными стенами и одной жёлтой лампой.

На панели не было этажей.

Только круглый рычаг.

— Куда он едет? — спросил Миша.

— Туда, где живут те, кого ты не перестал любить.

Миша вспомнил маму в комнате, папину перчатку на крыльце и пустой стул на кухне.

— Я не хочу.

— Тогда он не поедет.

Миша посмотрел за дверь домика.

Между деревьями начали зажигаться огоньки. Сначала один, потом второй, третий. Они висели в темноте, как светлячки, но были слишком высоко и двигались слишком медленно.

Один огонёк приблизился к окну.

Миша увидел в нём бабушку.

Она стояла у кухонного стола и держала чашку. Потом подняла глаза, будто почувствовала его взгляд.

Миша сделал шаг к двери.

— Бабушка...

— Не зови, — сказал дедушка.

— Она там.

— Я знаю.

— Она ждёт нас?

— Она ждёт всех, кто ещё жив.

Миша вошёл в лифт.

Дедушка — следом.

Двери закрылись.

Рычаг повернулся сам.

Лифт поехал вниз.

Не быстро и не медленно — так, будто падала сама земля.

За стенами скрежетали камни. Мимо проносились корни, подземные реки, белые вспышки и чьи-то тени. Иногда Миша слышал голоса.

«Не забудь закрыть окно».

«Я вернусь к ужину».

«Ты обещал».

«Не бойся».

Дедушка стоял рядом и держал Мишу за плечо.

— Что там внизу?

— То, что не помещается наверху.

— А если я не захочу возвращаться?

— Вернёшься.

— Почему?

— Потому что тебя ждут.

Лифт остановился.

Двери открылись.

За ними был белый туман, а за туманом — обрыв.

Миша шагнул наружу.

И мир стал огромным.

Трава поднялась выше головы. Камни превратились в холмы. Дедушка стал размером с муравья, а потом Миша понял, что и сам уменьшился вместе с ним.

Перед ними простирался лес.

Ели были такими огромными, что их вершины терялись в облаках. На ветвях горели тысячи огоньков. Они собирались в цепочки, плавали между иголками и медленно перемещались, словно у каждого был свой путь.

В одном Миша увидел бабушку.

В другом — дедушкиных братьев.

В третьем — папу маленьким, ещё до его рождения.

— Это место, где живут души, — сказал дедушка.

Его голос стал тише, но от этого Миша слышал каждое слово.

— Вот там живу я и твоя бабушка. Вон там мои братья. А там твой отец. Он ещё не знает, что его тоже помнят.

— А почему они огоньки?

— Это мы кажемся большими, пока живём.

Миша смотрел на светящиеся ели и думал о маме.

— А мама где?

Дедушка не ответил.

Миша повернулся к нему.

— Где моя мама?

На дальней ветке, отдельно от остальных, вспыхнул маленький золотой огонёк. Он был слабым, неровным и будто старался не погаснуть.

— Это не душа, — сказал дедушка.

— Тогда что?

— Надежда.

Огонёк дрогнул.

И в тот же миг где-то далеко, наверху, в доме у лесной дороги, остановились часы.

Миша почувствовал, что его тянет обратно.

— Дедушка!

— Иди.

— Но я только пришёл.

— Поэтому и должен вернуться.

— Ты снова придёшь?

Дедушка посмотрел на него.

— Когда перестанешь ждать.

Лифт возник у самого края обрыва.

Миша вошёл, но перед тем как двери закрылись, увидел: слабый золотой огонёк оторвался от ветки и полетел вслед за ним.

Он не знал, что огонёк надежды уже направлялся к дому.

И что утром найдёт его не в лесу, а под половицей в маминной комнате.

Глава вторая. Дом, который ждал

Когда Миша вошёл в дом, часы на кухне показывали без пяти восемь.

Он остановился у порога и посмотрел на циферблат. Стрелка секундомера двигалась, но слишком медленно, словно ей приходилось проталкиваться сквозь густую воду.

— Где ты был? — спросил папа.

Он стоял у печи и держал в руках полотенце. На плите остывала кастрюля с супом. Мама сидела за столом, завернувшись в шерстяной платок. Её лицо было бледным, но глаза смотрели ясно.

Миша не ответил сразу.

Он оглянулся на дверь. За дверью был обычный двор: сугробы у крыльца, тёмный сарай, перевёрнутое ведро. Никакого леса. Никакой тропы. Никакого маленького домика с зелёной крышей.

Только на верхней перекладине забора лежала тонкая белая ветка.

Миша точно знал, что ветки там не было.

— Я ходил к реке, — сказал он.

Папа положил полотенце на стол.

— К реке зимой?

— Там не было льда.

— Миша.

В голосе папы не было злости. От этого становилось ещё хуже.

Миша снял куртку. Она была мокрой до локтей, хотя снег на улице был сухим. Сапоги покрывала чёрная земля, а на подошве застряла хвоя.

Папа заметил это.

— Ты был в лесу?

Миша кивнул.

Мама закрыла глаза.

— Зачем ты туда пошёл один?

— Дедушка пришёл.

На кухне стало так тихо, что Миша услышал, как в печи лопнуло полено.

Папа отвернулся.

— Не говори так.

— Он правда пришёл.

— Миша, дедушка умер три года назад.

— Я знаю.

— Тогда не говори, что он приходил.

— Но он приходил!

Миша почувствовал, как внутри поднимается обида. Он весь день шёл через лес, стоял на краю невозможного обрыва, видел огоньки, которые были душами людей, разговаривал с дедушкой — а теперь папа смотрел на него так, будто он придумал всё от скуки.

— Он отвёл меня к домику, — продолжил Миша. — Там был лифт. Мы ехали вниз, а потом вышли на обрыв. Там были огромные ели. На них горели огоньки. Это души. Там была бабушка. И твой папа. Когда он был маленький.

Папа медленно сел.

Мама открыла глаза.

— Какой лифт? — спросила она.

— Старый. С деревянными стенами.

— Что ещё он сказал? — спросил папа.

Теперь Миша понял: папа всё-таки слушает.

Он подошёл к столу и сел напротив.

— Он сказал, что ты умеешь возвращаться.

Папа сжал пальцы.

— И всё?

— Ещё... что ты улыбаешься так же, как в детстве.

Папа посмотрел на Мишу, и лицо его стало каким-то чужим. Не старым, не уставшим — просто далёким.

— Он так говорил, — прошептал папа.

— Что?

— Когда я был маленьким. «Улыбаешься, как твоя мать». А потом, когда ты родился, он сказал, что ты будешь улыбаться, как я.

Миша не знал, что ответить.

Папа встал, налил себе воды и выпил, не отрываясь от стакана.

— Где ты его видел?

— У старой берёзы.

— Какой берёзы?

— За лесом. На поляне.

— Там нет поляны.

— Есть.

Папа поставил стакан на стол. Вода в нём дрогнула.

— Я знаю этот лес. Там нет никакого домика.

— Он не всегда там.

Папа хотел что-то сказать, но промолчал.

Мама вдруг поднялась. Ей было тяжело, она держалась рукой за край стола.

— Тебе надо поесть, — сказала она Мише.

— Я не голоден.

— Надо.

Так говорила только мама, когда очень боялась.

Она поставила перед ним тарелку. Суп был тёплым, хотя Миша не слышал, чтобы мама его разогревала. Он взял ложку, но есть не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.